

ЛОЖЬ С ПОЗИЦИЙ ИНВЕРСИВНОГО АНАЛИЗА

Севостьянов Дмитрий Анатольевич,

доктор философских наук,

доцент кафедры кадровой политики и управления персоналом

Новосибирского государственного аграрного университета,

Россия, г. Новосибирск, 630039, ул. Добролюбова, 160

ORCID: 0000-0002-7142-3188

dimasev@ngs.ru

Аннотация

В статье приводится социально-философский анализ такого явления, как ложь. Анализ лжи базируется на исследовании инверсивных отношений в иерархической системе. Поскольку ложь сама может рассматриваться как иерархическая система и, кроме того, она реализуется в иерархической социальной системе, данный подход оправдан. Инверсия представляет собой форму системных отношений, при которой некоторый низший элемент приобретает главенствующее значение. Способность системы к формированию инверсий зависит от организационных принципов, определяющих иерархическое соподчинение элементов в системе. Системные инверсии возникают в том случае, когда один организационный принцип противоречит другому. Инверсия, развившаяся в иерархической системе, представляет собой нарастание внутренних противоречий, способных разрушить данную систему изнутри. Отмечено, что сам факт лжи порождается прежде всего особенностями человеческого мышления. Вербальная мысль существенно отличается от вербального высказывания в процессе общения. Однако имеет значение сила и направленность этих различий. Ложь сама по себе может рассматриваться в качестве иерархической системы, в которой могут быть выявлены, как минимум, четыре организационных принципа. Первый такой принцип распределяет высказывания по степени их несоответствия реальному положению дел. Второй принцип расставляет высказывания в иерархии по степени их правдоподобия. Третий принцип опирается на степень антисоциальности лжи. Наконец, согласно четвертому принципу иерархические отношения между высказываниями зависят от того, затрагивает ли высказывание отражение фактов или мнений. В результате взаимодействия этих высказываний и формируются инверсивные отношения в системе лжи.

Ключевые слова: ложь, система, иерархия, инверсия, организационный принцип.

Библиографическое описание для цитирования:

Севостьянов Д.А. Ложь с позиций инверсивного анализа // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 2, ч. 1. – С. 101–114. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.1-101-114.

Введение

Такое явление, как ложь, исследовалось с различных сторон уже очень многими авторами. Эти исследования имеют собственную историю, которая тянется, как минимум, со времен европейской Античности. Тем не менее сколько бы усилий ни прилагалось к исследованиям лжи, меньше ее от этого не становится. «Человечество погрязло во лжи, – сетует А.Е. Зимбули. – Лгут дети и старики, ученики и соискатели на ученую степень, торговцы и покупатели, контролируемые и контролеры, кандидаты в высшие политические органы страны и работники правоохранительных органов...» [7, с. 87]. В массовом сознании ложь прежде всего воспринимается как действие, нарушающее и разрушающее общественную нравственность.

Однако ложь – явление, вероятно, столь же древнее, как и человеческий род. Сетовать на наличие лжи и распространяться в высокоморальных рассуждениях о том, как постыдна ложь, – достаточно пустое занятие. Ложь существует, и как социальный, психологический и философский феномен она подлежит изучению. Актуальность же исследований лжи как явления как раз и определяется ее распространенностью и социальной значимостью.

Становление лжи

С того самого времени, когда появилась мысль, которая стала выражаться словами, человечество ощущает последствия великого открытия, сделанного неведомо когда и неведомо кем, – осознания того, что не всякую свою мысль и не всякое знание следует предавать огласке, высказывая в присутствии других людей, способных услышать, а услышанное – понять. И напротив: во всеуслышание или наедине с кем-либо может быть сказано нечто такое, что не соответствует собственным мыслям и знаниям произносящего. Иммануил Кант отразил этот факт следующим образом: «Стремление скрывать свою сущность покоится на том, что провидение хочет, чтобы человек не был открыт полностью, так как заполнен недостатками» [9, с. 201]. Действительно, как оценить то, чего, по-видимому, совершенно нельзя избежать? Только как божественное предначертание, и никак иначе.

Известные слова Федора Тютчева «Мысль изреченная есть ложь» отображают тот факт, что язык выступает в разных ипостасях: как средство

общения и как инструмент мышления (хотя формально и по существу это один и тот же язык). Мысль как таковая отрывочна и сумбурна, она составляется из обрывков слов, склеенных (аглютинированных) фраз и наспех соединенных понятий. Многие слова и словосочетания при этом употребляются в разнообразных переносных смыслах, и их значение доступно только тому, в чьей голове они звучат. Выраженная вербально мысль существует как интериоризированное высказывание, понятное самому мыслящему субъекту; но это же высказывание, произнесенное вслух, скорее всего не будет понято окружающими (или будет понято, но превратно). Чтобы мысль приобрела понятную форму, ее следует адаптировать к восприятию других людей или, если угодно, препарировать для этого, и именно способность к такому действию отличает искусного оратора от того, кто этим даром решительно не обладает. Однако будучи измененной таким образом, мысль уже не будет прежней; именно поэтому она и «есть ложь». Иначе говоря, высказанное другим людям «содержимому» собственной головы чаще всего не соответствует, либо соответствует, но лишь приблизительно. Соответственно, не всё то, что содержится в мыслях, вообще стоит передавать другим людям. Таким образом, сам факт лжи порождается прежде всего особенностями человеческого мышления.

Это открытие на определенном этапе своего развития каждый из нас делает заново. Осознание того факта, что вовне следует давать информацию несколько иную, чем та, которая пребывает в нашем актуальном сознании, соответствует переживанию нормативного возрастного кризиса семи лет. А.С. Выготский, описавший данный кризис, обозначал это так: «Когда дошкольник вступает в кризис, самому неискушенному наблюдателю бросается в глаза, что ребенок вдруг утрачивает наивность и непосредственность; в поведении, в отношениях с окружающими он становится не таким понятным во всех проявлениях, каким был до этого... В поведении появляется что-то нарочитое, нелепое и искусственное, какая-то вертлявость, паясничанье, клоунада; ребенок строит из себя пута... Самой существенной чертой кризиса семи лет можно было бы назвать начало дифференциации внутренней и внешней стороны личности ребенка» [3, с. 990]. Подмеченные А.С. Выготским особенности представляют собой внешнее проявление того, что отделение «внешнего» от «внутреннего» становится применительно к поведению ребенка не просто фактом (оно существовало и ранее), но *осознанным* фактом. А раз высказываться может вовсе не то, что представляет собой собственная мысль, то (при определенной степени таких отличий) рождается ложное высказывание, посредством которого можно ввести кого-либо в заблуждение. Обнаружив это, ребенок на данной стадии своего развития впервые начинает специально обманывать окружающих – не просто выдумывать и фантазировать, а целенаправлен-

но сообщать ложную информацию с обдуманной целью получить из этого какую-либо личную выгоду (либо избежать наказания). Именно в этом состоявшемся разделении «внешнего» и «внутреннего» заключается подлинная причина появления лжи в поведении юного члена общества, а не только в семейной дисгармонии или в неблагоприятных примерах, подаваемых взрослыми [6]. Прежде чем ставить вопрос о допустимости лжи, должна быть осознана и проверена на практике сама ее физическая возможность. А далее вопрос состоит в основном в том, насколько велико может быть несоответствие мысли высказанному слову, но, разумеется, не только в этом.

Ложь с позиций системного анализа

Рассматривая такое явление, как ложь, с системных позиций, нельзя не отметить следующее. Любая реальная система представляет собой иерархию – таково, если угодно, общее свойство систем. Некоторые современные авторы специально указывают на иерархическую природу лжи [4]. Это положение верно и для самой лжи, и для социальной системы, в которой данная ложь реализуется, а ложь, как известно, явление социальное и вне социума рассматриваться не может.

В условной иерархии всегда действует некоторый организационный принцип, определяющий, почему каждый элемент занимает в ней именно это место на иерархической вертикали, а не какое-либо иное. В реальных же иерархиях таких организационных принципов, как правило, более одного. В свою очередь, свойством сложных иерархий (а ложь как явление, несомненно, именно сложная иерархия, основанная на одновременном действии нескольких организационных принципов) является их способность к формированию системных инверсий, или инверсивных отношений. Системная инверсия представляет собой форму отношений в иерархии, при которой некоторый низший, подчиненный элемент приобретает в системе главенствующее значение, оставаясь при этом на своей прежней, невысокой иерархической позиции. При этом возникает противоречие между формальным положением элемента в иерархии и его действительной ролью в такой системе [12].

Наращение, развитие инверсивных отношений в иерархической системе ведет к тому, что она утрачивает свой первоначальный облик, трансформируется или совершенно разрушается, а ее элементы, если они вообще по природе своей способны к самостоятельному существованию, становятся принадлежностью других систем. Разрушительное действие инверсий отчасти, однако, нивелируется тем обстоятельством, что сами иерархические системы обладают способностью адаптироваться к уже развившимся инверсиям. Однако инверсии могут быть разрешены, и в этом

случае в иерархии способен возобладать первоначальный, исходный порядок, инверсий не предусматривающий (т. е. отношения ордера).

Итак, ложь представляет собой многоуровневую, иерархическую конструкцию. Эта иерархичность строится на нескольких самостоятельных организационных принципах. Один из них определяет, насколько то или иное высказывание искажает действительное положение дел. В данном случае в иерархии условно низшую позицию будет занимать высказывание, полностью соответствующее действительности, а высшую – полностью ложное высказывание. Полностью правдивое высказывание содержит не только *одну лишь* правду, но и *всю* правду. Далее в иерархическом порядке следует высказывание, в котором нет откровенно ложной информации, но всё же часть правды утаивается и не сообщается собеседнику (заметим, что таково большинство высказываний любого субъективно правдивого человека: *всю* правду, как правило, не сообщает никогда и никто, и к тому же это не всегда просто технически выполнимо). Такая недосказанность может быть обозначена как пассивная ложь в противоположность активной лжи, при которой сообщаются заведомо ложные сведения. Далее может быть помещено высказывание, в котором действительно имевшее место событие не просто становится фигурой умолчания, но и активно отрицается (с юридических позиций это может быть названо запирательством) [1]. Затем располагаются высказывания, в которых содержится большая или меньшая часть активно созданной, предназначенной для замещения правды дезинформации при преобладании всё же правдивой информации. Ещё дальше идут высказывания, в которых истинная информация количественно и качественно уступает ложной. И, наконец, иерархическую вершину занимает уже совершенно ложное высказывание, вовсе никакой правдивой информации не содержащее. Организационный принцип, на котором основано это иерархическое размещение высказываний, может быть назван фальсификационным.

Однако это не единственный организационный принцип, который представлен в лжи как иерархической системе. Другой такой принцип состоит уже не в большей или меньшей ложности высказывания как таковой, а в степени его правдоподобия. Высказывание, полностью ложное и при этом совершенно не похожее на правду, никого, как правило, не может ввести в заблуждение. Предназначение же ложного высказывания состоит именно в обмане собеседника, а не просто в том, чтобы не соответствовать действительности.

Представим в качестве примера тестовое задание с вариантами выбора. В нем приводится основная часть задания (начало некоторого утверждения) и несколько вариантов, каждый из которых может служить этому утверждению завершением. Таким образом формируется (на выбор) не-

сколько высказываний. Лишь одно из таких высказываний будет истинным, остальные – ложные. Эти ложные высказывания называют дистракторами (от англ. *to distract* – «отвлекать»). Однако, будучи ложными, эти высказывания должны быть максимально похожи на истинные, т. е. быть в наибольшей степени правдоподобными [10]. Заведомо ложное, но неправдоподобное высказывание не будет выполнять здесь своей функции – отвлекать испытуемого от истинного высказывания; иначе говоря, дистрактор тогда не будет эффективным. Человека, знающего правильный ответ, такое ложное высказывание, безусловно, не сможет отвлечь; если же правильный ответ испытуемому неизвестен, у него при наличии эффективных дистракторов останется один выход – отвечать наугад.

Третий организационный принцип, в соответствии с которым ложные высказывания могут быть представлены в виде иерархической системы, обуславливает степень антисоциальности лжи. Чтобы адекватно познать какой-либо предмет, следует его рассматривать, что называется, в его пределе. Ложь, если рассматривать ее именно так, представляется в принципе как явление антисоциальное. Достаточно вспомнить позицию Иммануила Канта по данному вопросу. Кант отвергает нравственную приемлемость любой лжи, во всяком случае – активной лжи: «Когда человек распространяет ложные сведения, то этим самым наносит вред не какому-то конкретному человеку, а человечеству». Такое отношение ко всякой лжи Кант обосновывал следующей аналогией: «Поскольку человек из нужды может убивать, воровать и обманывать, то этот крайний случай разрушает мораль. Потому что если этот крайний случай признается, то в любом другом случае суждение зависит от того, признается он таковым или нет. И поскольку здесь не определено основание – что является таким случаем, постольку и моральные правила ненадежны» [9, с. 203]. Иначе говоря, ложь, исходя из позиции Канта, в принципе всегда антисоциальна.

Однако все мы знаем, что в действительности это не так. Есть люди, которым лгать просто полагается по роду их деятельности. Существует, например, два высказывания, приписываемые различным известным личностям: «Дипломаты – это честные люди, посланные за границу, чтобы лгать в пользу своего государства»; «Язык дан дипломату, чтобы скрывать свои мысли».

Но ложь является нормой отнюдь не только в дипломатии. Солгать человеку, наверное, зная, что именно правда нанесет ему смертельную, непоправимую психологическую травму, – едва ли есть антисоциальное действие. Распространение *правдивых* сведений, например, о детском или подростковом суициде приводит к новым и новым суицидам, поскольку всегда находятся психологически неустойчивые индивидуумы, для которых подобные сообщения становятся последним толчком к роковому шагу, не яв-

ляется ли здесь более просоциальным и морально оправданным действием ложь, хотя бы и в форме умолчания? Ложь со стороны врача безнадежному пациенту о его истинном состоянии здоровья едва ли может быть кем-то осуждена по причине ее антисоциальности. Наконец, составление заведомо ложных высказываний в структуре педагогического теста, как это показано в приведенном выше примере, ни в коем случае не может быть отнесено к антисоциальным или морально недопустимым деяниям – это обычный рабочий, технический момент, к оценке которого как-то даже и не принято применять какие-либо нравственные мерки.

Существуют, разумеется, и такие формы лжи, которые ни в коем случае не могут считаться морально допустимыми, и именно про них мы вспоминаем в первую очередь, вообще заговорив на тему лжи. Ложь, даже и принесшая человеку частное, тактическое преимущество, будучи раскрыта, напроць уничтожает его репутацию. Лживое высказывание способно привести к значительным несчастьям, оно может стать даже причиной большой войны (и активно используется в подобных случаях). Таким образом, если рассматривать ложь как иерархическую систему, то степень антисоциальности лжи также составляет отдельный организационный принцип.

Наконец, ложь может быть подразделена на два вида, составляющих некоторые крайности: сообщение ложных *фактов* и сообщение ложного *мнения*. В первом случае умолчанию или искажению подвергается некоторая фактическая, в реальности существующая вне человека и независимо от человека информация: действительно произошедшее событие, чье-либо действие или поступок; в предельном случае лжи о таких якобы имевших место событиях и фактах подается полностью вымышленная информация. Во втором случае точно так же искажается не информация о реальном факте, но информация о некотором субъективном мнении (оценочном суждении): субъект думает одно, но сообщает окружающим нечто другое. При этом высказанное кем-то мнение автоматически становится фактом (т. е. фактом свершившегося высказывания). Примечательно, что в последнее время едва ли не главным источником новостей в масс-медиа становится высказывание теми или иными публичными лицами своих субъективных мнений. Поскольку субъективное мнение потому и противопоставляется объективной реальности, что отображает так или иначе искаженный, тенденциозно воспринятый образ этой реальности (который, однако, воспринимается субъектом как его собственный вариант «правды»), то и искажение этого субъективного мнения при передаче его другим людям намного менее критично; по существу здесь речь идет о замене одной субъективности на другую, возможно, не более (или не менее) далекую от подлинной реальности. Иное дело превратное изложение некоторых подлинных фактов или представление фактов вымышленных.

Граница между первым и вторым, однако, условна; нам в любом случае некуда деваться от своей субъективности в восприятии и интерпретации фактов. И здесь мы можем наблюдать четвертый организационный принцип, который показывает бóльшую или меньшую субъективность ложного высказывания. При этом чем ниже эта субъективность (и выше объективность), тем в большей степени данное высказывание будет именно ложью.

Нет оснований считать, что в иерархической системе, которую представляет собой ложь, действуют исключительно только эти, приведенные выше организационные принципы. Рассматривая любую сложную систему, мы вообще, как правило, не можем быть уверены, что все организационные принципы, задействованные в данной системе, очевидны для нас. Нередко может обнаружиться какой-либо дополнительный, не учтенный ранее организационный принцип, который к тому же зачастую способен стать причиной системных инверсий.

Следует помнить, что в любой сложной иерархической системе действие отдельных организационных принципов неравнозначно: организационные принципы сами образуют иерархию (иерархию второго порядка), и среди них могут быть выявлены как главные, так и второстепенные. Так, применительно к системе «ложь» важнейшим, безусловно, является фальсификационный принцип.

Итак, исходя из анализа уже представленных выше организационных принципов рассмотрим, что же представляет собой ложь, если рассматривать ее с системных позиций, когда в данной системе сохраняются отношения ордера. Ложь, в этом случае, будет:

1) высказыванием, абсолютно не соответствующим действительности. То есть данное высказывание представляет собой совершенную фальсификацию;

2) высказыванием, максимально правдоподобным. Иначе говоря, при прочих равных условиях имеется наибольшая вероятность, что высказыванию этому поверят;

3) высказыванием, имеющим выраженное антисоциальное значение. Значение это заключается не в том, что лгать вообще «плохо» или «грешно», а именно в воздействии ложной информации на социальные процессы (т. е. речь идет не о формальной неистинности, а о содержательной стороне ложного высказывания);

4) высказыванием, касающимся не мнения, а фактов.

Если какой-либо из этих организационных принципов действует в обратном направлении (скажем, ложное высказывание имеет не антисоциальные, а просоциальные последствия, или оно затрагивает не факты, а чье-либо частное мнение, или высказывание совершенно неправдоподоб-

но и потому не в состоянии кого-либо обмануть, или, в конце концов, оно вовсе не содержит никакой фальсификации действительного положения дел), то сама система под названием «ложь» разрушается воздействием внутренних противоречий и тем самым перестает восприниматься в качестве таковой. Однако в ряде случаев такие организационные принципы действуют не изолированно друг от друга, а во взаимодействии: например, чтобы сохранять правдоподобие, высказывание не должно быть полностью ложным, но должно содержать в себе полуправду.

Инверсии в структуре лжи

Рассмотрим некоторые примеры, где в системе «ложь» проявляются инверсивные отношения. Так, например, особое (и своеобразное) значение приобретает ложь в игре. Игра, как известно, представляет собой особый род деятельности, где процесс деятельности оказывается важнее результата (внешней цели); иными словами, цель и средства деятельности претерпевают системную инверсию. Внешняя цель (выигрыш, приз) в игре тоже присутствует, но эта цель носит подчиненный, служебный характер: не игра затевается для достижения цели, а цель служит для «повышения температуры» в игре. В игре существуют правила, нарушение которых может дать игроку преимущество – так он может заполучить приз обманным путем, это и есть интересующее нас проявление лжи. Вообще говоря, обман в игре не приветствуется. Однако в играх нередко бытует негласное правило, согласно которому «плут игру не портит»; иными словами, плуту, пока он не пойман за руку, негласно дозволяется плутовать. Достаточно и того, что плут на словах соблюдает и уважает правила игры, в то время как на деле он их тайно нарушает. Это неофициальное правило обусловлено именно тем, что процесс в игре более привлекателен, чем результат; при действительно напряженном и интересном процессе игры не так уж и важно, кому достанется приз. Поэтому плут в игре зачастую привлекает больше симпатий, чем обжуженный им «честный» игрок, добросовестно соблюдающий все правила. Такой игрок расценивается участниками и зрителями данной игры как «простофиля», в то время как плут воспринимается как «ловкач». Доказательством того, что к плуту предьявляется минимум моральных претензий (или же они не предьявляются вовсе), служит хотя бы широко распространенный жанр «плутовского романа», где симпатии и автора, и читателя находятся именно на стороне плута [13]. Эта допустимость лжи, таким образом, представляет собой прямой результат инверсивных отношений в структуре человеческой деятельности, проявляющихся именно в игре [15]. Однако и в структуре самой лжи, применяемой таким образом в игровой деятельности, наблюдается инверсия: если ложь не портит процесс игры, а лишь делает этот процесс более интересным

для наблюдателей и участников, она не настолько антисоциальна, чтобы быть «настоящей» ложью.

Ложь нередко выступает и проявлением так называемого демонстративного поведения. В этом случае ложь сама приобретает инверсивный характер: ее обычно главная, самодостаточная цель – введение окружающих в заблуждение ради собственной выгоды лучшего – отступает на второй план. У лжи есть одно свойство: не соответствуя действительности, она выглядит необычной и тем самым привлекает определенное внимание к личности лжеца, и именно это свойство лжи занимает в таком случае главенствующую позицию. Демонстративность как личностное свойство присутствует в поведении практически любого человека, но лишь у некоторых эта черта получает чрезмерное, избыточное развитие в ущерб другим чертам; в этом случае приходится говорить о наличии демонстративной (истероидной) акцентуации (это понятие было введено немецким психиатром К. Леонгардом, который приводит множество примеров лживости как свойства демонстративных личностей) [11]. Лица с демонстративным поведением стремятся любой ценой быть в центре внимания окружающих. Про таких людей принято говорить, что они хотят быть «невестой на каждой свадьбе и покойником на каждых похоронах». Это стремление непременно купаться в волнах чужого внимания ныне описано как вид зависимого поведения, как «артистическая аддикция» [8]. И вот одним из наиболее распространенных средств для достижения такого всеобщего внимания у людей такого личностного склада становится ложь. Известный исследователь истерических состояний В.Я. Семке отмечает, что подобным личностям свойственны своеобразная художественно оформленная хвастливость и лживость, вплоть до сочинения сложных, красочных измышлений с пышной фабулой и динамическим сюжетом – целых историй из своей якобы жизни; всё это излагается с большим пафосом. Будучи же разоблаченным, такой лжец обычно весьма ловко выходит из положения [14]. Примечательно, что подобного типа лживость была подробно описана еще Ф.М. Достоевским, который ошибочно полагал ее русской национальной чертой [5]. Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен, ставший классическим примером подобного лжеца, хоть и провел значительную часть своей жизни в России, едва ли может считаться русским человеком. Немецкий литератор Карл Май, которого К. Леонгард представил как пример демонстративного субъекта, наделенного столь же выдающейся лживостью, не имел к России, собственно, никакого отношения. Сообщение ложной информации, которая призвана именно привлечь внимание к говорящему без надежды, что ему поверят, в отличие от собственно лжи, обычно обозначают как «вранье» [2, с. 17]. Стоит вспомнить известную русскую пословицу: «Не любо – не слушай,

а врать не мешай». Таким образом, повседневная ложь демонстративного субъекта несет в себе системную инверсию: при высокой степени фальсификации у нее низкий уровень правдоподобия, а что касается антисоциальности данной лжи, то и она под сомнением: легко может статься, что эта ложь служит лишь только развлечением для окружающих. Наконец, подобная ложь не просто весьма субъективна, а, можно сказать, порождена воинствующей субъективностью, и это еще один пример инверсивных отношений в структуре лжи. В результате такая ложь, собственно, перестает быть ложью, переходя в разряд своего рода художественного сочинительства.

Заключение

Итак, ложь представляет собой одно из устойчивых проявлений социального бытия индивида, и ее исследование остается и, видимо, всегда останется актуальным. Поскольку ложь может рассматриваться в качестве сложной иерархической системы, в которой способны проявляться инверсивные отношения, анализ этих системных инверсий в разнообразных конкретных ситуациях проявления феномена лжи представляет несомненный социологический и философский интерес. Разумеется, представленные в этой статье примеры не исчерпывают все стороны такого многопланового явления, как ложь. Однако на этих примерах может быть прослежена последовательность действий при выявлении системных инверсий: идентификация организационных принципов, сопоставление их значимости, а затем и выявление противоречий между ними. Стоит еще добавить, что если во многих социально значимых системах развитие инверсивных отношений означает угрозу распада системы и может рассматриваться как требующая разрешения проблема, то в такой системе, как «ложь», инверсии оказываются, как правило, социально желательным явлением, оставаясь при этом чрезвычайно интересным объектом для исследования.

Литература

1. Биркин М.М. Криминалистическая характеристика лжи // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2011. – № 1 (14). – С. 17–21.
2. Воркачев С.Г. The kinds of lie: лукавство // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4. – С. 17–29.
3. Выготский А.С. Психология. – М.: Эксмо-Пресс, 2000. – 1008 с.
4. Дадаева М.С. Ложь как социокультурный феномен // Colloquium-journal. – 2019. – № 25 (49). – С. 103–104. – DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10896.
5. Достоевский Ф.М. Нечто о вранье // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1980. – Т. 21. – С. 117–125.

6. *Дьяченко Н.С.* Ложь ребенка-дошкольника // Обучение и воспитание: методики и практика. – 2015. – № 22. – С. 100–102.
7. *Зимбули А.Е.* Ложь: нравственно-оценочные аспекты // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – № 3. – С. 187–192.
8. *Зражевская П.А., Киян К.А.* Артистическая аддикция // Медицина и образование в Сибири. – 2008. – № 4. – С. 9.
9. *Кант И.* Лекции по этике. – М.: Республика, 2000. – 431 с.
10. *Клайн П.* Справочное руководство по конструированию тестов: введение в психометрическое проектирование. – Киев: ПАН Лтд., 1994. – 288 с.
11. *Леонгард К.* Акцентуированные личности. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 448 с.
12. *Севостьянов Д.А.* Противоречие и инверсия. – Новосибирск: Золотой колос, 2015. – 245 с.
13. *Севостьянов Д.А., Марин А.Ю.* Плутводство как элемент культуры // Обсерватория культуры. – 2012. – № 2. – С. 84–89.
14. *Семке В.Я.* Истерические состояния. – М.: Медицина, 1988. – 224 с.
15. *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: Прогресс, 1992. – 459 с.

Статья поступила в редакцию 04.06.2021.

Статья прошла рецензирование 12.07.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.1-101-114

FALSEHOOD FROM THE STANDPOINT OF INVERSE ANALYSIS

Sevostyanov, Dmitry,

Dr. of Sc. (Philosophy),

Associate Professor, Department of Personnel Policy and Personnel Management

Novosibirsk State Agrarian University,

160 Dobrolyubova Street, Novosibirsk, 630039, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-7142-3188

dimasev@ngs.ru

Abstract

The article presents a socio-philosophical analysis of such a phenomenon as a falsehood. The analysis of falsehood is based on the study of inverse relations in a hierarchical system. Since the lie itself can be considered as a hierarchical system, and in addition, it is implemented in a hierarchical social system, this approach is reasonable. Inversion is a form of system relations in which some lower element takes on a dominant value. This situation is observed, in particular, when a falsehood occurs. The ability of the system to form inversions depends on the organizational principles that determine the hierarchical subordination of elements in the system. System inversions occur when one organizational principle contradicts another. Inversion, which has developed in a hierarchical system, is an increase in internal contradictions that can destroy this system from the inside. The very fact of falsehood is generated primarily by the peculiarities of human thinking. A verbal thought is significantly different from a verbal utterance in the process of communication. What matters, however, is the strength and direction of these differences. The falsehood itself can be considered as a hierarchical system in which at least four organizational principles can be identified. The first such principle distributes statements according to the degree of their inconsistency with the real state of affairs. The second principle places statements in a hierarchy according to their degree of plausibility. The third principle is based on the degree of anti-sociality of the falsehood. Finally, according to the fourth principle, the hierarchical relationship between statements depends on whether the statement affects the reflection of facts or opinions. As a result of the interaction of these statements, inverse relations are formed in the system of falsehood.

Keywords: falsehood, system, hierarchy, inversion, organizational principle.

Bibliographic description for citation:

Sevostyanov D. Falsehood from the Standpoint of Inverse Analysis. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 2, pt. 1, pp. 101–114. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.1-101-114.

References

1. Birkin M.M. Kriminalisticheskaya kharakteristika lzhi [Criminalistic characteristics of lie]. *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava = Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*, 2011, no. 1 (14), pp. 17–21.
2. Vorkachev S.G. The kinds of lie: lukavstvo [The kinds of lie: slyness]. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics*, 2013, no. 4, pp. 17–29.
3. Vygotskii L.S. *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow, Eksmo-Press, 2000. 1008 p.
4. Dadaeva M.S. Lozh' kak sotsiokul'turnyi fenomen [Lies as a sociocultural phenomenon]. *Colloquium-journal*, 2019, no. 25 (49), pp. 103–104. DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10896. (In Russian).
5. Dostoevskii F.M. Nechto o vran'e [Something about lying]. Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii. V 30 t. T. 21* [Complete works. In 30 vols. Vol. 21]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 117–125.
6. D'yachenko N.S. Lozh' rebenka-doshkol'nika [The Falsehood of a preschool child]. *Obuchenie i vospitanie: metodiki i praktika*, 2015, no. 22, pp. 100–102. (In Russian).
7. Zimbuli A.E. Lozh': nraivstvenno-otsenochnye aspekty [Lie: ethical-value aspects]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye = Society. Environment. Development*, 2012, no. 3, pp. 187–192.
8. Zragevskaya I.A., Kiyani K.A. Artisticheskaya addiksiya [Artistic addiction]. *Medsitsina i obrazovanie v Sibiri = Journal of Siberian Medical Sciences*, 2008, no. 4, p. 9.
9. Kant I. *Lektsii po etike* [Lectures on ethics]. Moscow, Respublika Publ., 2000. 431 p. (In Russian).
10. Kline P. *Spravochnoe rukovodstvo po konstruirovaniyu testov: vvedenie v psikhometricheskoe proektirovanie* [A handbook of test construction: introduction to psychometric design]. Kiev, PAN Ltd. Publ., 1994. 288 p. (In Russian).
11. Leonhard K. *Aktsentuirovannye lichnosti* [Akzentuierte Persönlichkeiten]. Moscow, Eksmo-Press, 2001. 448 p. (In Russian).
12. Sevostyanov D.A. *Protivorechie i inversiya* [Contradiction and inversion]. Novosibirsk: Zolotoi kolos Publ., 2015. 245 p.
13. Sevostyanov D.A., Marin A.Yu. Plutovstvo kak element kul'tury [Roguary as an element of culture]. *Observatoriya kul'tury = Observatory of Culture*, 2012, no. 2, pp. 84–89. (In Russian).
14. Semke V.Ya. *Istericheskie sostoyaniya* [Hysterical states]. Moscow, Meditsina Publ., 1988. 224 p.
15. Huizinga J. *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo ludens. In the shades of tomorrow]. Moscow, Progress Publ., 1992. 459 p. (In Russian).

The article was received on 04.06.2021.

The article was reviewed on 12.07.2021.